

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ПУШКИНѢ.

Первый томъ издаваемыхъ Академіею Наукъ сочиненій Пушкина можно назвать первою главою въ исторіи его творчества: онъ содержитъ въ себѣ Лицейскія его стихотворенія. Мы уже имѣли случай указывать на значеніе Царскосельскаго Лицея въ жизни Пушкина («Русскій Архивъ» 1889, III, 508). Царское Село въ нашей исторіи было въ теченіе многихъ десятилѣтій почти тѣмъ же, что Версаль для королевской Франціи XVIII вѣка. Черезъ него, до позднѣйшихъ временъ, чуть ли не до открытія Николаевской желѣзной дороги, Финскій Петербургъ сообщался съ настоящею Россіею. Его высокое мѣстоположеніе, бодрящій воздухъ, живыя воды и чудная растительность привлекали къ нему Екатерину Великую и любимаго ея внука (котораго любовь къ природѣ должна быть цѣннѣе потомствомъ: въ дальнихъ своихъ поѣздкахъ по Россіи онъ приказывалъ разводить сады по городамъ, и ему же обязана Москва своимъ Кремлевскимъ садомъ).

Александръ I-й возымѣлъ плодотворную мысль устроить въ Царскомъ Селѣ учебное заведеніе для двухъ своихъ младшихъ братьевъ, которымъ замѣнялъ онъ отца, будучи старше одного изъ нихъ на 19лѣтъ, а другого на 21 годъ. Невольно думается о томъ, сколько могло бы произойти добра, если бы мысль эта исполнилась, если бы великіе князья Николай и Михайлъ Павловичъ воспитались въ Лицеѣ, въ товариществѣ съ дѣтьми хорошихъ Русскихъ семействъ. Николай Павловичъ, уже съ Генваря мѣсяца 1809 года означенный именемъ *Цесаревича* на медали съ его изображеніемъ (хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ) и памѣченный въ преемники Александру Павловичу (въ виду бездѣтности обоихъ старшихъ внуковъ Екатерины Великой) могъ-бы съ раннихъ лѣтъ пріобрѣсти надежныхъ и извѣданныхъ слугъ своего державства. Оба брата могли бы избѣгнуть страсти къ солдатчинѣ, которой такъ опасалась ихъ великая бабка относительно второго своего внука *).

*) Увѣряютъ, что Екатерина, замѣтивъ за Константиномъ Павловичемъ наклонность къ Нѣмецкой солдатчинѣ, однажды, въ его отсутствіе, приказала въ коридорахъ Зимняго дворца разставить трубочистовъ съ метлами и когда удивился тому возвратившійся съ прогулки отрокъ, ему было доложено, что это бабушка приказала, если угодно забавиться, а солдаты надобны на другое.

Но благому намѣренію Александра Благословеннаго не суждено было исполниться: обоихъ великихъ князей задумали послать учиться въ Лейпцигъ, и только гроза 1812 года помѣшала тому. Пушкинъ и его товарищи могли знать о такомъ первоначальномъ назначеніи ихъ Лицея. Во всякомъ случаѣ они чувствовали себя избранниками молодого поколѣнія, съ будущностью незаурядною. Въ стѣнахъ лицейскаго зданія они могли почитать себя какъ бы причастными царской семьѣ, главу которой и членовъ видали очень часто, а по праздникамъ молились съ нею въ той же церкви, раздѣлявшей ихъ помѣщеніе отъ остальныхъ покоевъ великолѣпнаго Елисаветинскаго дворца. Лицейсты пользовались и царственною роскошью дворцовой обстановки. Въ то самое время, когда другія училища въ Имперіи имѣли самыя простыя и скудно снабженныя помѣщенія, когда въ нетопленныхъ семинаріяхъ, по выраженію митрополита Филарета, надо было дыханіемъ собственныхъ устъ согрѣвать храмину учености, отроки Царкосельскаго Лицея кушали чуть не на серебрѣ, и Пушкинъ невольно усвоилъ себѣ привычки широкаго, беззаботнаго житія, отъ которыхъ потомъ трудно ему было отвыкать, когда пришлось жить

Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ.

Тамъ же, въ Царскомъ Селѣ, которое еще полно было разсказами дворцовой прислуги и преданіями незадолго передъ тѣмъ протекшей жизни, развилось въ Пушкинѣ, съ ранней поры отрочества, его любострастіе, которому онъ рабствовалъ и благодаря Африканской природѣ своей. По словамъ лицейскаго товарища его, А. Д. Комовскаго, онъ «до того былъ женолюбивъ, что отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна». О томъ свидѣтельствуесть и теперешній первый томъ его сочиненій: онъ почти весь состоитъ изъ стиховъ, посвященныхъ богу любви, такъ что Пушкинъ, издавая свои стихи въ 1826 году, на заглавномъ листѣ поставилъ слова Латинскаго поэта: *aetas prima sanat amores* (т. е. въ первомъ возрастѣ воспѣвается любовь). Излишне объяснять это подражаніемъ Батюшкову и чтеніемъ Парни. Въ Царскомъ Селѣ само преданіе навѣвало и возбуждало мысли любовныя. Можетъ быть, въ числѣ статуй въ тамошнихъ садахъ былъ и тотъ идолъ, о которомъ Пушкинъ впоследствии писалъ, говоря про изображенія двухъ бѣсовъ:

Женообразный, сладострастный,
Сомнительный, но живой идеалъ;
Волшебный демонъ, живой, но прекрасный.

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ уже тогда могъ въ сильной степени испытывать то, что позднѣе выражено имъ въ стихахъ:

Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высотамъ;
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.

Въ шесть лѣтъ лицейской жизни Пушкинъ, кажется, не бывалъ у своихъ родителей и своей бабушки, переселившихся въ Петербургъ изъ разореннаго Французскимъ нашествіемъ Московскаго гнѣзда ихъ. Въ посланіи къ сестрѣ своей (1814 года) онъ писалъ, что «быстрою стрѣлой на Невскій брегъ примчится», но это вѣроятно было только мечтаніемъ: лицеистамъ, сколько извѣстно, не дозволялись домашніе отпуски. За то въ предѣлахъ Царскаго Села они пользовались рѣдко даже и въ нынѣшнихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ свободою, и строгаго порядка въ ихъ жизни не было, почему въ 1816 году, т. е. за годъ передъ тѣмъ, какъ Пушкинъ кончилъ ученіе, назначень, вѣроятно, чтобы подтянуть заведеніе, Нѣмецъ Энгельгардтъ. О распущенности лицеистовъ сохранился цѣлый рядъ свидѣтельствъ; но обученіе по тому времени было наилучшее, а главное достоинство учрежденія состояло въ томъ, что лицеисты были связаны между собою тѣсною дружбою, которая и осталась между ними на всю ихъ жизнь. Подглядываніе другъ за другомъ, желаніе отличиться передъ начальствомъ почитались гнусными. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, что однажды императоръ Александръ Павловичъ, войдя въ классъ, спросилъ: «Кто тутъ первый?»—«Здѣсь нѣтъ первыхъ, воскликнулъ отрокъ Пушкинъ, здѣсь всѣ вторые». Можетъ быть, это и выдуманно; но самая выдумка эта есть показаніе важное для исторіи Русской педагогіи. А что изъяновъ въ воспитаніи было много, это не подлежитъ сомнѣнію: въ числѣ старшей лицейской прислуги или такъ называемыхъ «дядекъ» находился въ теченіе двухъ лѣтъ при Лицѣхъ молодой Константинъ Сазоновъ, совершившій, по словамъ барона М. А. Курфа, «шесть или семь убійствъ въ Царскомъ Селѣ и его окрестностяхъ». Подобные дядьки конечно не затруднялись помогать лицеистамъ въ покупкѣ вина и въ чемъ другомъ.

Значеніе прислуги мало оцѣнивается въ нашихъ біографическихъ разысканіяхъ; а между тѣмъ несомнѣнно, что иной разъ прихожія и дѣвичьи въ отношеніи воспитательномъ бываютъ важнѣе гостиныхъ и болѣе прибранныхъ комнатъ.

Не отъ одной няни своей Арины Пушкинъ учился чистотѣ Русской рѣчи; по уму своему, онъ съ раннихъ поръ цѣнилъ даровитость безграмотнаго простонародья, а по живому и глубоко-доброму своему нраву легко сходилъ съ мужиками, дворниками и вообще съ прислугою. Позднѣе знавали мы прекраснѣйшихъ людей, твердившихъ о на-

родности и о нашей отъ нея отчужденности, и затруднявшихся бесѣдовать съ селяниномъ-крестьяниномъ. Не таковъ былъ Пушкинъ. У него были пріатели между лицейскою и дворцовою Царскосельскою прислугою. Покойная княгиня В. Ѳ. Вяземская рассказывала, какъ въ первые мѣсяцы супружеской жизни напугалъ Пушкинъ молодую жену свою, ушедши гулять и возвратившись домой только на третьи сутки: оказалось, что онъ встрѣтился съ дворцовыми ламповщиками, которые отвозили изъ Царскаго Села на починку въ Петербургъ подсвѣчники и лампы, разговорился съ ними и добрался съ ними до Петербурга, гдѣ и заночевалъ.

Отъ Царскосельскихъ старожиловъ Пушкинъ еще въ Лицеѣ могъ наслушаться преданій объ Екатерининскомъ и Павловскомъ царствованіи, да и о томъ, что дѣлалось при Александрѣ Павловичѣ. Нельзя довольно пожалѣть, что онъ сжегъ свои Записки, сохранивъ изъ нихъ только нѣсколько листовъ (о чемъ писалъ князю П. А. Вяземскому 14 Августа 1826 г.). Трагическая судьба Павла Петровича не могла не быть предметомъ его долгихъ и частыхъ думъ, а также позднѣе бесѣдъ съ гр. Ланжерономъ въ Одессѣ, когда сей легкомысленный генералъ давалъ ему читать письма Александра Павловича, писанныя къ нему въ царствованіе Павла. Извѣстно, что Пушкинъ замышлялъ написать отдѣльное произведеніе, подъ заглавіемъ «Павелъ Первый». Что касается до самого Александра Павловича, то зоркій отрокъ Лицея имѣлъ всю возможность наблюдать его и за нимъ изъ оконъ своей комнаты, выходившихъ прямо на широкій дворцовый подъѣздъ, и въ церкви, и въ садахъ, въ которыхъ любилъ подолгу прогуливаться Государь и которые были прозваны его «зеленымъ кабинетомъ». Вниманіе молодого Пушкина слѣдило за «нашимъ Агамемнономъ» и въ его торжественныхъ появленіяхъ, и въ поѣздкахъ въ Баболовскій дворецъ. Въ рукописяхъ Пушкина сохранился довольно схоже набросанный имъ портретъ Государя, воспроизведенный въ нынѣшнемъ академическомъ изданіи сочиненій его. Позднѣе Пушкинъ изобразилъ его въ стихахъ, озаглавивъ «Къ бюсту завоевателя»; стихи эти были плодомъ его долгихъ думъ о Государѣ, но онъ при жизни своей не оглашалъ ихъ, такъ какъ умѣлъ цѣнить и свѣтлыя стороны его личности и близко зналъ причины его недостатковъ.

Простимъ ему гоненье:

Онъ взялъ Паризъ и создалъ нашъ Лицей.

Сколько въ этихъ стихахъ, тоже Пушкинымъ не оглашенныхъ, высокаго сердечнаго благородства!

Мы увѣрены, что передъ Пушкинымъ и его наблюдательностью не сокрылись тѣ психологическія осложненія, которыя только въ наши дни начинаютъ вскрываться въ характерѣ удивительнаго Государя, недаромъ названнаго въ Бородинской поминкѣ В. А. Жуковскаго «міра свѣтлая звѣзда». И Государь не могъ не обращать вниманія на мальчика-Пушкина, о которомъ съ самаго 1814 года говорилъ уже весь Лицей, а въ слѣдующіе годы все Царское Село. Къ тому же и внѣшностью своею, подвижностью, тѣмъ, по чему А. О. Смирнова впоследствии такъ мѣтко прозвала его «искрою», Пушкинъ рѣзко выдѣлялся въ средѣ товарищей. На лицейскомъ актѣ 1815 г., когда Державинъ обнялъ Пушкина, Государь не присутствовалъ, находясь на Вѣнскомъ конгрессѣ, равно и на выпускномъ экзаменѣ въ Іюнѣ 1817 года; но, возвратившись окончательно изъ чужихъ краевъ и проводя подолгу даже и зимнее время въ Царскосельскомъ дворцѣ, онъ имѣлъ нерѣдко случаи слышать про Пушкина, хоть бы по поводу княжны В. М. Волконской, за которой по ошибкѣ приволокнулся Пушкинъ. Извѣстно, что Александру Павловичу нравился простой быть зажиточныхъ чужестранцевъ. Его воспитатель Лагарпъ былъ женатъ на дочери Петербургскаго банкира Бентинка. Въ Петербургѣ Государь ѣзжалъ пить чай къ банкиру Ливіо, въ Царскомъ бывалъ у придворнаго банкира-Португальца Веліо и его супруги братъ которой преподавалъ музыку въ Лицеѣ и вечера которой оживлялъ своимъ присутствіемъ лицеистъ Пушкинъ. Веліо могли передавать Государю про остроумныя выходки и шутки, на которыя былъ Пушкинъ такой мастеръ. Вотъ почему Государь несомнѣнно огорчился, когда, черезъ три года по оставленіи Пушкинымъ Царскаго Села, Петербургскій генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ привезъ ему запрещенные его стихи, и въ числѣ ихъ столь яркое описаніе центральной въ жизни Государя ночи:

Молчить невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подземный.

Въ этой удивительной строфѣ послышался Александру Павловичу голосъ потомства, и ему было горько, что ничѣмъ не выражена была его неповинность, непризнаніе которой у насъ и въ чужихъ краяхъ составляло предметъ постоянной, до самой кончины, мѣки его чудеснаго сердца, съ дѣтства уязвляемаго разнаго рода противорѣчіями.

Эти стихи относятся уже къ тому времени, когда Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ и „перегоралъ въ огнѣ страстей“, какъ о томъ свидѣтельствуется недавно изданная переписка князя Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Стихотворенія тѣхъ годовъ должны войти во второй томъ сочиненій его, появленія котораго ожидаемъ, съ увѣренностью, что будетъ онъ изданъ такъ же тщательно, какъ и первый. П. Б.